

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

„ЗДЕСЬ ДОЛЖНА БЫТЬ НЕФТЬ...“

Н. Н. Тихонович (1872—1952 гг.) — крупный советский геолог, один из пионеров промышленного освоения Коми края. Под его научным руководством здесь были открыты первые месторождения нефти и газа, разведан уголь, другие полезные ископаемые. Широкие геологические исследования, проведенные им, позволили проникнуть в глубины северных недр, предсказать новые подземные кладовые, из которых ныне извлекают нефть и газ.

Именем Н. Н. Тихоновича названа одна из улиц Ухты. Недавно общественность города, как уже сообщалось, отметила 110-ю годовщину со дня рождения ученого. Предлагаемый читателям очерк написан на основе архивных документов, выявленных автором в последние годы.

ОН ГОТОВИЛСЯ к отъезду.

На столе лежали плотно исписанные листы бумаги. Только сверху первого листа оставалась белая полоса — для заголовка. В этих листах его мысли, его жизнь. Жизнь целого десятилетия.

...Оно, это десятилетие, началось для Тихоновича весной 1929 года. Тогда его спросили: что он знает об Ухте?

Еще до революции, в начале века, он побывал в тех местах. В ту пору на Ухте копошились немногочисленные частные предприниматели: искали нефть. Но каким убожеством ведало от примитивных буровых скважин! Их владельцы так и не обнаружили ни одного промышленного месторождения. Что там, на Ухте, теперь, в 1929 году, он, признается, не знал.

Простатривая различные издания, Николай Николаевич сразу уловил суть спора между геологами по поводу подземного строения Ухтинского района. От его разрешения зависел, по существу, ответ на вопрос: «Есть ли на Севере нефть?». Ради окончательного установления истины, пришел к выводу Тихонович, на Ухту следует послать разведочную экспедицию.

Он написал научное заключение, в котором указал состав экспедиции, ее маршрут.

В те годы сюда вело два пути. Один — по рекам Вычегде, Выми, Шомвукве и через перевалок на Ухту. Это — более короткий, но более трудный путь. Через перевалок, пожалуй, не провезешь тяжелые буровые станки, паровые котлы, другое оборудование.

Тихонович предложил второй, более длинный, но надежный для разведочной экспедиции путь — из Архангельска по морям Ледовитого океана в устье Печоры, затем по рекам Печоре, Ижме и Ухте до того места, где до революции попыталось было, свое призрачное счастье Русское товарищество «Нефть» и где в 1929 году...

Сам он пришел на Ухту 13 октября 1929 года с группой специалистов. Здесь уже обосновался в промысловых домиках и палатках первый отряд экспедиции, прибывший в августе.

Через два дня Тихонович с геологами плыл на лодке вверх по реке Седью, левому притоку Ижмы. А еще через несколько дней его геологические маршруты пролегли вверх по Ухте и ее притоку Яреге. Он считал своим долгом лично осмотреть обнажения горных пород по речным берегам. Ему в конечном счете определять направления поисков. В таком ответственном деле должна быть личная убежденность в правильности предстоящих геологических исследований.

Он помнил, как намечал «точки» первых скважин. Особенно была памятна «точка» разведочно-эксплуатационной скважины № 5 близ ручья Чибью. На ее закладке весьма решительно настаивал начальник экспедиции Я. М. Мороз. Он не хотел считаться с тем, что район пока не изучен, игнорировал освещенную десятилетиями методику геологических и разведочных работ.

— Здесь должна быть нефть, — говорил он. Тихонович собственноручно забил колышек на месте будущей скважины.

Риск был, разумеется, большой. Ни один геолог в мире не застрахован от ошибок.

Допустим, «точка» скважины будет намечена правильно. Но буровики не сумеют провести долото до нужного горизонта или не справятся с подземными водами, которые «задавят» нефть. Именно это произошло на скважине до-революционного Русского товарищества «Нефть». На скважине, которая находилась всего в 425 метрах от «точки» разведочно-эксплуатационной скважины № 5.

К счастью, расчет Тихоновича оказался правильным. А грозненский бурмастер Косолапкин

Тихонович понимал: будущая социалистическая индустрия европейского Северо-Востока должна опираться на мощный фундамент минерально-сырьевых ресурсов. А это означало, что нельзя довольствоваться «пяточком», на котором обосновалась экспедиция, и первым месторождением, которое она по случайности обнаружила в столь непродолжительный срок. Он всемерно заботился о расширении территории геологических поисков, о повышении роли науки в хозяйственной деятельности экспедиции. Он снаряжал геологические партии и разведочные отряды в самые отдаленные уголки тайги и тундры — на Верхнюю Ижму и Среднюю Печору, Воркуту и Большую Инту, Полярный Урал и Пайхой. И как итог таких устремлений — промышленная нефть у Чибью и на Яреге, газ — на Верхней Ижме, уголь — на Воркуте и Большой Инте. Выявлены и другие полезные ископаемые. А главное — составлены карты, накоплен большой геологический материал, который поможет распахнуть потайные двери природы в новые подземные кладовые.

ОН МНОГОЕ ПОМНИЛ, геолог Тихонович. И вот теперь в непроходимой тайге поднялись островерхие нефтяные вышки, колонна нефтепегеринного и цеха ремонтно-механического заводов. Рядом, чем-то напоминающая корабль, «плыла» среди зеленых сосен теп-

— нефтяная шахта. А у деревни Крутой, что притаилась в лесах Верхней Ижмы, намечено соорудить газовый завод. В тундре, за Полярным кругом, построены угольные шахты Воркуты, на очереди — Инта. Над рабочим поселком Ухта, в котором он жил и который недавно стал районным центром, голосисто прокричал паровозный гудок — сюда пришла долгожданная железная дорога.

Теперь он готовился к отъезду.

Он имел на это право — не только формальное, но и моральное. Он провел здесь десять лет. Он сделал все, что мог, даже, наверное, больше, чем мог. Он осуществил здесь, может быть, главное дело своей жизни. Оставалось теоретически осмыслить то, что увидел, установил. Для этого не обязательно жить в Ухте. К тому же, ему шел 68-й год. Зимой он часто болел, и врачи посоветовали ему серьезней заняться здоровьем.

Еще в феврале руководители треста окончательно согласились на его уход, но попросили подождать, пока приедут молодые геологи, которых обещала прислать Москва.

В ожидании их он завершил построение новой карты в миллионном масштабе, составил пояснительную записку к ней, план геологических исследований, привел в порядок свои многочисленные рукописи, которые он решил не брать в Москву: здесь они нужны.

В мае приехали молодые геологи. Тихонович, желая помочь им, организовал семинары, прочитал ряд докладов. (На них ходили и «старички»). Ему хотелось, чтобы молодежь быстрее вошла в курс дела, уяснила особенности здешних земных недр.

И вот настал час, когда за ним не числится никаких «долгов». Он мог с чистой совестью покинуть Ухту.

И все же успокоенности не было. Он понял: в его десятилетней работе не хватало финального аккорда. Он долго думал, каким должен быть этот аккорд.

Теперь перед ним лежали плотно исписанные листы бумаги. Сверху первого листа оставалось белое поле. Он перебрал в уме несколько заголовков, но они ему не нравились. И тогда, подумав, он крупно вывел на белом поле: «Справка о главнейших результатах геологических и геологоразведочных работ за 10 лет (1929—1939 гг.)». Это, пожалуй, то, что надо.

На календаре значился сентябрь. Сентябрь 1939 года.

г. Ухта.

А. КОЗУЛИН,
журналист.
(Окончание следует).

«ЗДЕСЬ ДОЛЖНА БЫТЬ НЕФТЬ...»

(Окончание. Начало в № 51).

МИНУЛО ПЯТЬ ЛЕТ с того довоенного сентября. На календаре значился сентябрь 1944 года.

Тихонович снова оказался в Ухте, но теперь уже не в рабочем поселке, а в городе. Его пригласили местные геологи.

Причин для встречи было вполне достаточно. Во-первых, еще в 1941 году он опубликовал в журнале «Советская геология» обстоятельную статью «Структурные черты Тимано-Уральской нефтеносной провинции». В ней европейский Северо-Восток, пожалуй, впервые рассматривался как нефтеносная провинция. А в числе перспективных направлений указывалась так называемая Печорская депрессия — обширная область между Тиманом и Уралом, ограниченная с севера излучиной Печоры. Во-вторых, в том же 1941 году Тихонович предпринял экспедицию на Средний Тиман — по рекам Цильма. Печорская Пижма и Мезенская Пижма. Результаты ее, естественно, интересовали ухтинских геологов. В-третьих, ученый занимался такой серьезной проблемой, как девонские отложения Русской платформы и Западного Приуралья, иначе — девоном всей Европейской части страны. Как известно, нефть в Коми крае извлекалась из пластов, приуроченных именно к этому древнейшему периоду геологической истории Земли. Собственно, здесь, на Ухте, геологи впервые обнаружили девонскую нефть.

Академик Губкин, зная это, еще в 1939 году настойчиво советовал геологам «Второго Баку» последовать примеру ухтинцев и проводить скважины к глубинам девона. И вот в 1944 году признаки нефтеносности девона выявились на Сызранском и Туймазинском промыслах в Поволжье. Этот факт имел естественное и научное, и практическое значение. Тем более, что Тихонович и ухтинцы предполагали наличие «смычки» в геологическом строении европейского Северо-Востока и Урало-Поволжья.

Наконец, в-четвертых, не мешало заручиться мнением авторитетного геолога, доктора наук, профессора Московского нефтяного института, по поводу возникших местных проблем. Словом, было о чем поговорить. К тому же, бои гремели уже далеко на западе, за границами родной страны, и здесь, в глубоком тылу, можно было позволить такую «роскошь», как встречу с крупным ученым.

...Его провели в здание комбината, что стояло на центральной площади города. До войны здесь размещался горный техникум, в котором он тогда преподавал. (Техникум закрылся в 1940 году).

Он поднялся по знакомой лестнице на второй этаж, прошел по коридору. За ним почтительно следовал молодой геолог в темном френче — один из тех немногих знакомых, кого встретил он в Ухте через пять лет. Тогда, в 1939 году, этот геолог был в числе тех «семиаристов», которых Тихонович ставлял перед своим отъездом. Теперь он, представитель бакинской школы, руководил геологической службой комбината.

В кабинете, слушая приятного на вид бакинца, Тихонович отметил про себя, что тот неплохо проштудировал его работы, оставленные в Ухте, изучив «Справку», которую он закончил перед отъездом. В общем, основное направление разведочных работ не вызвало возражений — оно нацелено на те перспективные площади, которые указаны в

его «Справке», — Нибель, Вой-Вож, Нижняя Омра... Идти в этом направлении побуждает ухтинских геологов историческая преемственность. Но почему об этом говорится только сейчас? Почему так ничтожно мал объем бурения? В 1943 году проходка составила чуть более 4000 метров. Это примерно столько, сколько бурили на Ухте в 1936 году! А если понадобится расширить базу нефтедобычи за счет новых месторождений? Куда направить бурение в первую очередь? Выходит, что подготовленных разведкой площадей нет.

Тихонович углубился в отчеты, геологические карты и не заметил, когда вышел хозяин кабинета. Он видел, что молодежь достигла многого. Нефть дают две нефтяные шахты. Они поставляют основную долю подземного горючего, которое так необходимо сейчас стране. И очень хорошо, что у шахт есть перспективы развития.

Однако геолог должен смотреть далеко вперед. «Увлечение» шахтами вызвано исключительно условиями военного времени. Скоро война закончится, и страна потребует нефти, пожалуй, больше, чем теперь. Причем немаловажную роль будет играть стоимость подземного горючего. (А шахтная нефть стоит все же недешево). Для развития народного хозяйства понадобятся легкие, бензиновые сорта нефти. Между тем после 1930 года, то есть в течение 14 лет, не обнаружено ни одного месторождения такой нефти.

Нет, он, Тихонович, должен сказать молодым геологам, что в их деятельности есть существенный недостаток — отсутствуют работы перспективного значения. До сих пор не испытаны нефтепроявления на Верхней Ижме, хотя их очевидность не вызвала сомнений еще пять лет назад. Вся Печорская депрессия представляет, в сущности, перспективный бассейн.

За годы войны геофизики выявили аномалию горных пород в полосе Большая Кожва—Мутный Материк вплоть до Нарьян-Мара. Значит, в порядок дня можно ставить вопрос о распространении поисков газа и нефти в северную половину Печорской депрессии. Нефть и газ надо искать, несомненно, на Верхней Ижме, но также и на Югде и вообще на Печоре. Правильнее всего работать и там, и там, и там...

— Николай Николаевич! — В дверях стоял хозяин кабинета. — Геологи собрались, ждут вас.

Тихонович собрал бумаги и, несмотря на возраст, легко поднялся из-за стола. Он обязательно скажет своим молодым коллегам об их просчете. Его первый доклад будет называться «О направлении геологоразведочных работ Ухтокомбината»...

СПРАВКА. Нибельское газонефтяное месторождение было открыто в июне 1945 года, нефтяная залежь Войвожского месторождения — в марте 1946, Нижне-Омринское нефтегазовое месторождение — в июле 1951, Вуктыльское газоконденсатное месторождение — в октябре 1964 года.

КОММЕНТАРИЙ К СПРАВКЕ. Тихоновичу не довелось быть свидетелем газовых и нефтяных фонтанов у таежных речек, по имени которых названы месторождения. Но это — его фонтаны. И не только потому, что в далекие, довоенные годы он предвидел их, но еще и потому, что их подарили стране его ученики и последователи, те, кто подхватил его эстафету, пронес ее дальше.

А. КОЗУЛИН,
журналист.